

Я. С. ЛУРЬЕ

Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв.

В исследованиях по истории летописания довольно четко намечаются два типа работ.

В работах одного типа предметом исследования служит какая-либо летопись в целом или группа летописей, связанных единством происхождения; устанавливается история текста этой летописи, ее место в общей системе летописания. Соединенные вместе, исследования такого рода позволяют нарисовать общую схему истории летописания определенного княжества или эпохи, а в конечной перспективе — общую схему истории летописания.

В других работах исследователя занимает освещение в летописании конкретной исторической темы, определенная повесть, переходящая из одной летописи в другую. Конечная цель исследования может быть при этом различной: использование разбираемого летописного рассказа как исторического источника, литературоведческое его исследование, уточнение истории данного летописного свода или нескольких сводов.

Оба пути в принципе не противостоят друг другу; напротив, при правильном применении они должны друг друга дополнять. Текстолог, исследующий обширный летописный свод, поневоле уделяет отдельным рассказам меньше внимания, чем исследователь, специально их рассматривающий; он может упустить важные моменты их содержания и последующей судьбы. Для исследования истории летописания «микротекстологические» исследования отдельных рассказов представляются поэтому необходимыми, при условии, однако, строгого соблюдения принципа комплексности — учета основных соотношений между сводами, содержащими данный рассказ. Схему, возникающую при исследовании истории данного конкретного рассказа, автор все время должен «налагать» на общую схему истории летописания. Соответствие между обеими схемами подтверждает верность исследовательского пути; несоответствие же требует перепроверки частной, а иногда и общей схемы. При соблюдении этого условия исследование отдельных рассказов оказывается полезным не только для использования исследуемого рассказа как исторического источника, но и для постановки более широких вопросов истории летописания.

* * *

Предметом настоящего исследования является летописный рассказ или повесть о битве, происшедшей в 1216 г. на реке Липице между новгородцами, предводительствуемыми Мстиславом Удалым, и ростовцами во

главе с Константином Всеволодовичем, с одной стороны, и владимиросуздалской ратью, возглавляемой Юрием и Ярославом Всеволодовичами, — с другой. Битва была выиграна новгородцами, и летописание Владимиро-Суздальской земли XIII—XIV вв., отразившееся в Лаврентьевской и сходной с нею Троицкой летописях, уделило ей мало внимания. В известии, помещенном под 6725 г. (1217 г.) (в Троицкой — под 6726 г.), здесь совсем не упоминается роль новгородцев в столкновении, не упоминается и Липица, а повествуется только о том, как «диаволъ воздвиже некоторую рать злу межи князи, сыны Всеволожими, Константином и Юрьем и Ярославом, и бишася у Юрьева, и одоле Константин», вследствие чего «седе Константин в Володимери на столе, а Юрьи в Суздале». То же известие читается во Владимирском летописце, основанном на Троицкой.¹

Подробный рассказ о битве на Липице впервые появляется в Новгородской 1 летописи и содержится как в старшем ее изводе, представленном древнейшим летописным Синодальным списком XIII—XIV вв. (известие 6724 г. в части, написанной рукой XIII в.), так и в младшем изводе.² Рассказ о ней помещен под 6724 (1216) г., но еще перед этим рассказом, под 6723 (1215) г., повествуется о том, как правивший в Новгороде князь Ярослав Всеволодович (сын владимирского князя Всеволода Большое Гнездо) нарушил новгородские вольности, захватив и сослав в Тверь двух новгородских бояр. Затем он удалился в Торжок (Новый Торг), находившийся на границе Суздальской земли, и начал осаду Новгорода; в Новгороде наступил страшный голод, выразительно описанный в летописи. Послов, которых присылали ему из Новгорода, Ярослав захватывал, а на обращения новгородцев не отвечал. Тогда, «учюв... зло то», приехал в Новгород из Смоленской земли князь Мстислав Мстиславич (Удалой), тесть Ярослава, правивший до 1215 г. в Новгороде, и дал вместе с новгородцами клятву: «...поищем муж своих, вашей братьи, и волости своеи, да не будетъ Новый тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржкомъ, нѣ кѣде святая Софія, ту Новгородъ».

Далее следует повесть 6724 г.; ввиду ее важности для дальнейшего изложения приведем основные эпизоды повести, условно обозначив их цифрами.

1. От слов «Месяця марта в 1 день... поиде князь Мѣстислав на зять свои Ярослава с новгородци...» до «...и приде Володимер Рюриковиць с смольняны» (Н1, 55, 254—255).

Бегство к Ярославу новгородцев, нарушивших клятву 1215 г., поход новгородцев через озеро Селигер (Серегер); захват младшим братом Ярослава Святославом города Ржевки в Смоленской земле; захват Мстиславом и его братом Владимиром Псковским суздальского города Зубцова; приход из Смоленска племянника Мстислава Владимира Рюриковича.

2. От слов «Идоша по Волзе, воююще...» до «...от князя Костянтина с любовью и с поклоном» (Н1, 55, 255).

Поход Мстислава с новгородцами по Волге; предложение пойти на Торжок; решение Мстислава пойти на Переяславль, где «у наю третии друг»; сражение воеводы Яруна с Ярославом под Тверью; поход по

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Изд. 1-е. Л., 1927, стб. 439—440; М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 302—303; реконструкция Троицкой основана в этой части на Симеоновской летописи (см.: ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 49). Владимирский летописец — ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, с. 84.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 55—57, 254—257 (далее ссылки на это издание в тексте сокращенно — Н1 с указанием страниц). О времени написания первой части Синодального списка см. там же, с. 5—6.

Волге и сожжение Шоши, Дубны и Кснятина; дружественная встреча воеводы Еремея, посланного от Константина Ростовского.

3. От слов «...пойдоша к Переслалю (Переяславлю), воююще...» и до «...выиде ис Переслаля с пълкы и с новгородьци и с новотържци» (Н1, 55—56, 255—256). Поход к Переяславлю, встреча Мстислава на Сарском Городище с Константином Ростовским и взаимное крестоцелование; поход Ярослава и Юрия к Переяславлю со своими новгородскими и новоторжскими сторонниками.

4. От слов: «Оле страшно чюдо и дивно, братье...» до «...сказа Лариян ту речь Мьстиславу и новгородьчем» (Н1, 56, 256). Расположение войск Юрия и Ярослава на реке Хзе (Кзе), а Мстислава и Константина — на Липице; переговоры сотского Лариона, резкий отказ Юрия от соглашения.

5. От слов: «И рекоша новгородци...» до «...вда плече, месяца априля в 21, на святого Тимофея и Федора и Аляксандры цесариця» (Н1, 56, 256—257).

Решение новгородцев сражаться пешими; победа новгородцев «божиею силою и помочью святыя Софии» 21 апреля «на святого Тимофея и Федора и Аляксандры цесариця», бегство Юрия и Ярослава.

6. «О, мьного победы, братье, бещисльное число, око (яко) не может ум человекьск домыслити избьеных, а повязаных» (Н1, 56, 257).

7. От слов «Ярослав въбег в Переяслаля...» до «...заутра поиду из города» (Н1, 56, 257).

Месья Ярослава новгородским пленникам; поход Мстислава и Константина за Юрием на Владимир; отказ Юрия от битвы.

8. От слов «И иде Гюрги из Володимирия...» до «...что было с Ярославом въ полку; и придоша в Новъгород съдрави вси» (Н1, 56 и 257).

Уход Юрия в Радилов Городец; посажение Константина на престол во Владимире; его подарки князьям и новгородцам; поход Мстислава на Переяславль; принятие даров, возвращение Мстиславу дочери (жены Ярослава) и оставшихся в живых новгородских пленников; приход в Новгород.

9. От слов «О, велик е, братье, промысл божи... Сьмьюна Петриловиця, тьрьскаго даньника» (Н1, 57, 257).

Перечисление убитых новгородцев.³

Два заключительных кратких известия Н1 сообщают о возвращении Мстислава в Новгород и о назначении нового посадника.

Повествование Н1 однородно по своему характеру. Принадлежность его новгородскому автору не вызывает сомнений — краткие сообщения о событиях в лагере противника (поведение Ярослава в Переяславле и Юрия во Владимире) легко могли быть получены новгородским автором после сражения. Патетические восклицания («О, мьного победы, братье... О, велик е, братье, промысл божи...») также нет оснований рассматривать как инородный элемент в повествовании.

Следующим этапом в литературной истории повести следует считать ее версию, читающуюся под 6724 г. в Новгородской 4 (как и в близкой к ней Новгородской Карамзинской) и Софийской 1 летописях⁴ и, очевидно, принадлежащую их общему протографу — своду 1448 г. В отличие от ряда общерусских рассказов Н4—С1, полнее переданных в С1,⁵

³ В Н1 младшего извода пропущено имя «Сьмьюна Петриловиця», и определение «тьрьскаго даньника» переносится поэтому на «Иванка поповица» (Н1, 57, 257).

⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 186—197; т. V, изд. 2-е, вып. 1. Л., 1925, с. 193—201 (далее ссылки в тексте). Текст Новгородской Карамзинской летописи — ГПБ, F.IV.603, л. 314 об.—319 об.

⁵ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 73—78.

повесть о Липице в наиболее полном виде читается в Н4. Мы изложим поэтому основные эпизоды данной версии по Н4, отмечая в примечаниях отличия С1.

Повесть имеет в Н4 заголовок: «О побоищи новгородцем с Ярославом».⁶

1. От слов «Марта в 1 день...» до «...прииде Володимерь Рюрикович со смолняны» (Н4, 186; С1, 193). Эпизод совпадает с Н1 (э. 1),⁷ но немного сокращен — здесь нет слов Мстислава новгородцам из Н1: «Идете в зажития, толико голов не емлете» и дальнейших слов: «...идоша, исполнишася кърма, и сами и кони».

2. От слов «...и послаша на Торжек ко Ярославу...» до «...и ту пометаша возы, а на коне полезаша» (Н4, 186—187; С1, 193—194).

В отличие от предыдущего этот эпизод резко отличается от Н1 (э. 2); совпадает лишь несколько фраз. Содержание его: остановка новгородского войска на Холохне (приток Волги) и первая попытка переговоров с Ярославом, находящимся в Торжке (в Н1 рассказывается о иных переговорах — с Юрьем и Ярославом перед самым сражением); резкий отказ Ярослава от переговоров и постановка им засек на Тверце; предложение новгородцев идти на Торжок (слова совпадают с Н1) и отклонение князьями (Мстиславом и др.) этого плана; опустошение ими Тверской земли и переход Ярослава в Тверь, где стали и «князи наши»; сражение воеводы Яруна с Ярославом (фраза совпадает с Н1), дата и подробности победы Яруна; посылка Яволда (боярина Владимира Псковского) к Константину Всеволодовичу в Ростов; проход по Волге и сожжение Шоши, Дубны (совпадает с Н1); взятие Владимиром Кснятина; приход ростовского воеводы Еремея с 500 мужей, встреча с «нашими князьями» и его речь к ним; посылка князя Всеволода к Константину; «оставление возов» и посадка на коней.⁸

3. От слов «...пойдоша к Переяславию, воююще» до «...с новгородци и новоторжци» (Н4, 187—188; С1, 194).

Эпизод имеет существенные отличия от Н1 (э. 3). Содержание: поход к Переяславию, встреча с Константином и крестоцелование — как в Н1 (добавлено только «и възрадовашася видиши ся»); переход Владимира Псковского в Ростов; расположение полков у Переяславля в Фомиину неделю; известие от пленного «чловека» об уходе Ярослава; переход Ярослава к Юрию с новгородцами и новоторжцами (последние слова совпадают с Н1).⁹

4. Заголовок «Юрьево княжение Всеволодичя в Суздале» (в Н4); далее от слов «Юрьи с Святославом и с Володимером вышел беша...» до «...а меньшая его братья противу Костянтину» (Н4, 188—191; С1, 194—197).

Обширный эпизод, лишь в начальной части имеющий совпадение с Н1 (э. 4). Содержание: выход Юрия из Владимира со «всею силою Суз-

⁶ В С1 заголовка нет.

⁷ В С1 небольшие отличия: дата указана в конце первой фразы; вместо «Новгородци же поидоша Серегиром и быша...» — «Князь же с новгородци быша...»; вместо «оселе Святослав Ржеву, городец Мстислав» (в Н1 — «городьць Мстиславль», — вероятно, в смысле «городок Мстислава») в С1: «Святослав осел городец, Ржевку — Мстислав»; вместо «быша на Возузе» — «быша на Волзе».

⁸ В С1 вместо слов новгородских князей в Н4: «...ты, Ярославе, с силою, а мы с крестом» — «...с плотью (в части списков С1), а мы с крестом честным»; вместо «мужи новгородцкиа» (Н4) — «боляре и новгородци»; победа Яруна просто в «благовещенье» вместо «благовещенье святой богородицы, 5 недели поста» (Н4).

⁹ В С1 нет указания, что Ярослав перешел к Юрию, «скопив всю свою волость» (Н4, так и в Н1).

дальской земли»; восклицание «Оле страшно чюдо и дивное, братие!..» — как в Н1 (э. 4); расположение войск обеих сторон — как в Н1; переговоры с Юрием и Ярославом — как в Н1, но с включением слов Юрия «один есмь брат с Ярославом»; последний призыв Мстислава к миру и ответ Юрия — «перемогай нас, тебе вся земля»; пир и совет Юрия и Ярослава в шатре с боярами; речь боярина Творимира в защиту примирения и некоего боярина в пользу войны; решение Юрия и Ярослава вступить в бой, приказ убивать пленников и планы раздела всей Русской земли; приведение Константина Ростовского к присяге; ночная тревога и страх Юрия и Ярослава; расположение войск противников на двух горах с ручьем посредине; предложение Мстислава о взаимном переходе на более удобные позиции; отказ Юрия; безрезультатная стычка «молодых» воинов; попытка новгородско-ростовских сил переменить позиции; замечание Константина о возможности удара в тыл и его сомнения в стойкости ростовцев; решение Мстислава остаться на горе; описание расположения полков.¹⁰

5. От слов «Нача Мстислав с Володимером укрепляти новгородцев и смолянны...» до «...вси съхранени быша силою честнаго креста и правдою» (Н4, 191—193; С1, 197—198).

С Н1 совпадают только одна начальная и одна конечная фраза. Содержание: обращение Мстислава к новгородцам и смолянам; решение новгородцев сражаться пешими (как в Н1, э. 5); разувание новгородцев и смолян; падение коня смоленского воеводы Ивора Михайловича; атака пещев; сражение киями и топорами и падение стяга Ярослава; захват Ивором и смолянами другого стяга; выступление Мстислава с конницей; бегство Юрия и Ярослава; призыв Мстислава не отвлекаться от боя ради «товара», поддержанный новгородцами, но не смолянами; победа (без упоминания св. Софии; календарная дата совпадает с Н1, но церковная дата обозначена иначе — вторая неделя пасхи); перечисление убитых новгородцев совпадает с более поздним эпизодом Н1 (Н1, э. 9), упоминается убитый смолянин.¹¹

6. От слов «О много победы, братье...» до ...так обещая ему» (Н4, 193—194; С1, 198—199).

Кроме вступительной фразы (Н1, э. 6), не имеет совпадений с Н1. Содержание: вступительная фраза, переходящая в перечисление потерь

¹⁰ В С1 нет заголовка «Юрьево княжение...» — этот заголовок представляет собою, очевидно, дополнение Н4 (Новгородской Карамзинской летописи) — заголовок не совсем уместен по смыслу, ибо княжение Юрия Всеволодовича во Владимире началось в 1212 г. (впрочем, о начале его княжения в Н4, как и в С1, не упоминается); в С1 пропущено упоминание о том, что отказ Юрия от переговоров был сообщен не только князьям, но и «новгородцам» (так в Н4 и в Н1); здесь и далее повсюду в С1 Юрий и Ярослав упоминаются с титулом «князей». В нескольких списках младшей редакции С1 в начале речи первого советника Юрия читается не «Творимир», а «Творите мир», в связи с чем издатель С1 (П. Г. Васенко) понял эти слова не как имя советника, а как начало его речи: «Твори (творите) мир, князь Юрьи и Ярославе»; но в Н4 и Новгородской Карамзинской (и особенно в Тверском сборнике, к версии которого мы еще обратимся) это — явно собственное имя: «молвит же тако Творимир боярин». Далее в С1 нет слов князей из Н4 о том, что они наградят воинов за убийство каждого противника — «а мы два наделива»; далее пропущены слова «в станех» при описании переклички; вместо «убояшеса» (о Юрии и Ярославе — в Н4) — «уяшаса за малым».

¹¹ В С1 в словах Мстислава вместо «коли любо умирати» (Н4) — «кому не умирати»; смоляне «поскочиша пеши» (Н4 — «молодыи полезоша с конь, тако же и поидоша боси, завивающе ноги»); Юрий и Ярослав «видевши кончину... побегоша» (Н4 — «кончину» нет); новгородцы «не радя товаров бяхуся» (Н4 — «не брежаху товарю, но бяхуся крепко»), а смоляне «одирааху мртвыя, а о бои не правяху» (Н4 — «лупяху... не прележаху»). В Н4 вслед за Н1 младшей редакции пропущено имя «терского данника» (см. выше, примеч. 3); в С1 нет имен убитых новгородцев и смолян.

Юрия и Ярослава и общего числа их войск; осуждение Ярослава — библейская цитата (Иезекииль, XXXII, 4); всего убито 9233 человека; подробности гибели; бегство Юрия во Владимир, настроения во Владимире; невозможность оборонять город; Юрий обещает утром уйти из города.¹²

7. От слов «Ярослав также прибегл един в Переяславль» до «... брату моему Ярославу, аще мя сего доведе» (Н4, 194—196; С1, 199—200).

Имеются отдельные совпадения с Н1 (э. 7), но эпизод изложен значительно подробнее. Содержание: подробности бегства Ярослава в Переяславль; месть Ярослава новгородским (подробнее, чем в Н1) и смоленским пленникам; отказ князей-победителей от преследования Юрия и Ярослава; окружение Владимира (с Н1 совпадает упоминание, что новгородцы хотели взять Владимир, но Мстислав не пустил их; в Н4—С1 отмечено аналогичное желание смольнян); отказ Юрия от битвы; выезд Юрия из города; решение Мстислава о разделе Суздальской земли между Константином и Юрием; прощание Юрия с Владимиром.¹³

8. От слов «И тако поиде из Володимеря...» до «... что было с Ярославом в полку, и выехав станы за город» (Н4, 196; С1, 200—201).

Совпадают с Н1 (э. 8) фразы в начале и в конце. Содержание: уход Юрия в Радилов Городец; встреча Константина во Владимире и посадение его на престол; подарки его новгородцам и смольнянам; приведение владимирцев к присяге; Ярослав в Переяславле; приход Мстислава (с точной датой); смятение Ярослава; челобитие Константину о мире; посредничество Константина и мир; подарки Ярослава князьям и новгородцам; возвращение Мстиславу его дочери и оставшихся в живых новгородцев (Н4); уход Мстислава за город.¹⁴

9. От слов «Ярослав же многажды высылаше с молбою» до «... и взявше свою честь и славу» (Н4, 196—197; С1, 201).

Совпадений с Н1 нет. Содержание: просьба Ярослава о возвращении жены и отказ Мстислава; уход князей во Владимир, Новгород, Смоленск и Псков с честью и славой.

Рассказ, несомненно, структурно сложнее, чем в Н1. Он расширен, но явно не за счет владимирского летописания: все дополнения, относящиеся к Ярославу и Юрию, имеют резко враждебный им характер. Дополнения эти могли иметь позднее, литературное, происхождение (рассказ о Творимире) или восходить к источнику, враждебному Юрию и Ярославу. Не использован ли здесь ростовский источник? В эпизоде 8 мы обнаруживаем одно дополнение, связанное с Константином Ростовским, — о торжественной встрече его во Владимире после победы и приведении

¹² В Н4 сказано, что у Юрия было 17 стягов, 40 труб и бубнов, у Ярослава — 13 стягов, 60 труб и бубнов; в С1 обратное соотношение между силами братьев; в библейской цитате (только в Н4 младшей редакции назван ее источник, но неточно — «пророк Иоиль») в Н4 «зверии дивии», в С1 просто «зверие».

¹³ В С1 вместо «высла князь Юрьи с поклоном» (Н4) — с «челобитием к князем»; вместо «ся кланяю» (Н4) — «челом бую». В Н4 старшей редакции упоминается, что смольняне «просяхуся о то чина» взять загоревшийся Владимир; так в С1; но в Н4 младшей редакции — «в то время» («о то чина» и значит: «в то время»; ср.: Срезневский. Материалы, т. III, стб. 1522).

¹⁴ В начале вместо «А из Владимиря же выидоша с кресты и граждане вси противу Константину. Княжение Константиново в Суздале. Князи же новгородцкы посадиша Костянтина в Володимере...» (Н4; в Новгородской Карамзинской также без заголовка) в С1: «Поеде князь Константин к Володимерю, и сретоша ѿ за городом князя, весь священский чин и людие вси. И седе в Володимери...»; вместо «князи же, здумавше с новгородци» (Н4) в С1: «князи же, здумавше», вместо «по Велице дни» (Н4) — «по пасце»; вместо «одари князей и новгородцев» (Н4) — «одари князи и воеводы»; после посажения во Владимире Константин именуется в С1 «великим князем».

владимирцев к кресту. К проблеме ростовского рассказа о битве на Липице мы еще обратимся (в связи с рассказом Тверского сборника), а пока отметим, что известие о приходе Константина во Владимир (вдобавок сильно расходящееся в Н4 и С1) является единственным, которое можно было бы возвести к ростовскому источнику. Во всех остальных случаях о ростовцах говорится мало, и роль Константина весьма скромна. Любопытно, что именно Н1, упоминая о решении Мстислава и Владимира идти не к Торжку, а к Переяславлю, объясняет это решение союзом с Константином: «Поидем к Переяславлю, есть у наю третий друг». В Н4—С1 это решение мотивируется тем, что Торжок — новгородский город и «пустошить» его не следует; именно поэтому войска идут на Тверь. В дальнейшем Константин выступает только в роли союзника Мстислава и Владимира, верность которого должна быть еще подкреплена особой присягой: «Мстислав же и Володимер призваста Костянтина и гадаста с ним много, увериста ѥ крестом, яко не быти в нем перевету». Что касается войск Константина, то их недостаточная надежность отмечается им самим: «...мои люди к боеве не дерзе, тамо и разыдутся в города». Второстепенная роль Константина подчеркивается и при описании сдачи Юрия, когда побежденный князь говорит Мстиславу и Владимиру: «Братья! вам ся кланяю... а Костянтин, брат мой, в вашей воле»; далее Мстислав и Владимир распределяют владения Юрия и Константина, отдавая «Константину Володимер, а Юрю — Радилов городец».

Особенно важна для определения происхождения повести в Н4—С1 одна ее особенность: Мстислав Удалой и Владимир здесь дважды именуются «нашими князьями»: «...ту бо стали беаху князи наши...»; «...и усрете воевода Еремей от князя Костянтина... наших князей» (Н4, 187). Кому могло принадлежать это определение? Мстислав был приглашен княжить в Новгород, а Владимир — во Псков, однако оба они были смоленскими князьями. Основное отличие текста Н4—С1 от текста Н1 — в дополнении новгородского рассказа известиями, относящимися к смоленскому войску Мстислава и Владимира. Именно смоляне обнаружили после битвы грамоты о разделе Русской земли, заранее составленные Юрием и Ярославом (Н4, 190); Н1 сообщала, что новгородцы спешились и разудились перед боем; в Н4—С1 добавлено: «...а смоляне же молодые полезоша с конь тако же, и поидоша боси, завивающе ноги» (Н4, 192); к перечислению убитых новгородцев добавлено имя убитого смолянина (Н4, 193), к известию о заточении Ярославом пленных новгородцев — сообщение о заточении 15 смолян (Н4, 195).

Но вместе с тем в центре рассказа Н4—С1 — не смоляне сами по себе, а именно смоленские князья — Ростиславичи, Мстислав и Владимир. Мудрое поведение этих князей противопоставляется необдуманному плану и действиям их подчиненных — и новгородцев, и смолян. Когда новгородцы предлагают идти на Торжок, Мстислав и Владимир объясняют им невыгодность для них самих этого плана: «Аще поидем к Торжку, то попустошим Новгородскую волость» (Н4, 187). Прославление князей Ростиславичей влагается в уста легендарному Творимиру на пиру у Юрия и Ярослава: «Ростиславля же племени да князи мудри суть и рядни...» (Н4, 189). Те же Ростиславичи противопоставляются собственному войску, когда воины — и новгородцы и смоляне — предлагают преследовать побежденного неприятеля и штурмовать город Владимир. «Князи же милостивы, племя Ростиславле, и до крестьян добри» не допускают этого (Н4, 195). Наконец, и во время самой битвы воины-смоляне противопоставляются Мстиславу — вопреки приказу князя они отвлекаются от сражения, грабя побежденных: «...лупяху мертви»,

а о боеви не прележаху» (Н4, 193; в этом случае новгородцы оказываются более послушными словам Мстислава).

Таким образом, дополнения рассказа Н1 в протографе Н4—С1 оказываются наиболее тесно связанными со смоленскими князьями Ростиславичами.

Дальнейшая судьба рассказа о Липице Н4—С1 определяется влиянием обеих этих летописей на последующее летописание. В полном объеме рассказ Новгородской 4 летописи отразился в Новгородской 5 (Хронографической) летописи. Может быть отмечено только одно, явно случайное, но довольно показательное отклонение Новгородской 5 от ее оригинала: в эпизоде 4 в речи суздальского боярина, бахвалящегося силой своего княжества, вместо: «...аще же нынешние полци, право, наверхем их седлами», читается: «...аще же нынешние половце...».¹⁵ Сокращенная версия рассказа Н4 содержится в кратком летописном тексте, помещенном в начале Рогожского летописца и Летописи Аврамки (А. А. Шахматов определял этот текст как «краткое извлечение из свода 1448 г.», но, судя по ряду статей, основой его была именно Н4).¹⁶ Обширная повесть о Липице передана здесь под 6723 г. в кратком (менее одного столбца) пересказе, в котором, однако, сохранились упоминания (э. 4) о переговорах с ответом Юрия и Ярослава: «...вышли есте акы рыба на сухо» и о разувании новгородцев перед боем.

Софийская 1 летопись, как известно, стала основой всех общерусских летописей начиная с середины XV в. Из числа этих летописей упомянем прежде всего Никаноровскую (далее: Нкр), Вологодско-Пермскую (далее: ВП) и близкие к ним летописи, отражающие московское великокняжеское летописание конца 50-х—начала 70-х гг. XV в.¹⁷

Текст Повести о Липице в Нкр—ВП в общем сходен с С1, но в нем обнаруживается ряд характерных сокращений.¹⁸ В эпизоде 2 опущен весь текст после описания первых переговоров с Ярославом — нет ответа новгородцев Ярославу со ссылкой на «честной крест» и следующего затем описания передвижения новгородского войска в Тверскую землю, а рассказ о переговорах с Константином сведен к одной фразе, где Константин Ростовский назван старшим братом Мстислава и других князей. Эпизод 3 начинается здесь со встречи с Константином: «И пришедшу Костянтину с ростовци» и далее совпадает с С1, но в эпизоде 4 при описании ночной тревоги пропущены слова «и вьструбиша в княжих Костянтиновых полцех» и слова Юрия (в ответ на предложение изменения позиций): «Пошли чрез землю, то ци сее дебри не приидете» (С1, 196—197; Нкр, 39; ВП, 63). Эпизод 5 передан полностью, только потери в войске Мстислава (5 новгородцев и 1 смольнянин) суммированы — «6 человек». В эпизоде 6 опущены слова С1: «Аще бы ведали Юрий и Ярослав, то мирились быста. Се бо слава его и похвала погыбе и полци сильни ни во что же быша», и осуждение Ярослава, включающее библейскую цитату (С1, 198—199; Нкр, 40; ВП, 64). В эпизоде 7 нет слов С1

¹⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917, с. 188, примеч. б.

¹⁶ ПСРЛ, т. XV, изд. 2-е, вып. 1. Пг., 1922, стб. 25—26; т. XVI. СПб., 1889, стб. 48. Ср.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 246—249, 312—313; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 87—91.

¹⁷ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 126—147.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 38—41; т. XXVI. М.—Л., 1959, с. 61—66. Все перечисленные далее изменения текста С1 обнаруживаются и в более ранних памятниках великокняжеского летописания — Музейном летописце и Летописи Лавровского. Ср.: ГБЛ, ф. 178, № 3271, л. 88 об.—95 об. В Нкр и поздних редакциях ВП внутри эпизода 1 вставлены (после известия о взятии Зубцова) дата 6725 и сообщение: «... в неделю сыропустную бысть гром по заутрне, февраля в 1».

о Ярославе: «И не довле ему о первом зле» и нет указания, что Ярослав повелел «вметати» часть новгородцев «в gridнищу»; при описании окружения Владимира опущены некоторые подробности С1 (размышления «откуда взяти» город, отдельные упоминания новгородцев и смолян — С1, 200; Нкр, 40—44; ВП, 65).

Черты обработки, обнаруживающиеся в Нкр—ВП, — смягчение критики владимирских князей — еще яснее обнаруживаются в Московском своде конца XV в. (далее: М).¹⁹ Эпизод 2 здесь не сокращен так радикально, как в Нкр—ВП, но слова новгородцев Ярославу: «Ты, Ярославе, с плотью, а мы с крестом честным» также опущены; далее, дважды исключено именование Ростиславичей «нашими князьями» (во втором случае вместо этого — «Мъстислава и его братью»); опущено упоминание, что «пособи бог» воеводе Мстислава Яруну и что «то же бысть первая победа на них» (С1, 193—194, М, 111).²⁰ В обширном эпизоде 4 при описании переговоров нет слов Ярослава: «А далече есте шли, а вышли есте, аки рыба на сухо», в речи Мстислава нет слов о кровопролитии: «Не дай бог створити того»; в речи Юрия, напротив, добавлено: «Да аще отец наш с Костянтином нас не управил, то вы ли хотите нас с ним умирить»; вместо обращения к Константину: «Премогай нас, тебе вся земля» — «Еда одолеешь нам, тогда тебе вся земля»; далее, вместо слов «Тако князи възнеслися славою...» и описания пира в шатре в М одна фраза: «И начаста рядитися к боеви» (112). При описании совета у Юрия и Ярослава вместо боярина Творимира и «ина боярина» выступают две группы бояр: те, кто «не ради кровопролитию», и «младодумнии, паче не хотящей добра межи братии»; нет слов о достоинствах Ростиславичей и храбрости Мстислава и упоминания миролюбивого советника, что «меньшая братия» в «воли» Юрия и Ярослава; нет заявления сторонника войны, что даже если бы «вся Руская земля» пошла на Суздальскую землю, то и тогда не победила бы, и хвастливых слов: «навержем их седлы»; нет, наконец, жестокого приказа Юрия и Ярослава уничтожать всех пленников и их плана разделить всю Русскую землю — вместо этого коротко сказано, что «князи сему совету внимаху, нежели первому, надеющихся на множество вой» (С1, 195—196; М, 112—113).²¹ В эпизоде 5 в обращении Мстислава к новгородцам нет патетических слов: «...а кому не умирати?», предваряющих решение новгородцев сражаться пешими (вместо этого: «...а к боеви поидете...»), нет выражения радости Мстислава по этому поводу, но добавлено, что новгородцы и смоляне «поидоша противу Ярославлих пешцев»; нет перечисления полков Мстислава и его союзников и описания подвигов Мстислава в бою; нет описания различного поведения новгородцев и смолян по отношению к «користи» (по терминологии С1 — к «товару»); нет, наконец, и прославления победы новгородцев: «И велик, братие, промысл божий!..

¹⁹ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 111—114.

²⁰ Кроме того, вместо «оже емлют села» (С1) в М читается «оже грабятъ Тѣрьское», а в последней фразе 3.2 после слов «возы пометавше» вместо «а на кони полезоша» читается непонятное: «поидоша на них».

²¹ В отличие от С1 (и Н4) М не упоминает в начале 3.4, что Юрий и Святослав вышли в поход вместе «с Володимером» — вместо этого в М: «с прочею братьею». Среди сыновей Всеволода Большое гнездо был и Владимир (Дмитрий) Всеволодович, но М (вслед за Лаврентьевской и в отличие от Н4—С1) сообщала под 6723 (1215) г. о его пленении половцами, а об освобождении — только после Липицы в 6725 (1217) г.; очевидно, в связи с этим М и выпустил его имя из рассказа 6724 г. Нет в М также выражения ужаса из-за того, что на Липице шли не только рабы на господ, но и «господин — на рабы» (С1); в последней речи Лариона «есмя племенници себе» (С1) — «едино бо есмя племя»; при описании расположения полков Мстислава на Авдовой горе в М нет упоминания Всеволода, нет упоминания опасений, «егда ударят на нас в ночь».

А силою честнаго и животворящаго креста вси съхранени быша и правдою» (С1, 198; М, 113).²² В эпизоде 6 нет вступительной патетической фразы С1 (восходящей к Н1): «О, многы победы, братье...», и он прямо примыкает к предыдущему эпизоду словами о потерях суздальцев «Избыено же их бысть много множество...», после которых приведены цифры потерь суздальцев и помещенное в С1 в предыдущем эпизоде упоминание о гибели 5 новгородцев и 1 смолянина; нет слов о Юрии и Ярославе: «Аще бо бысть ведали ся князь Юрьи и Ярослав, то мирилася быста»; нет перечисления стягов, труб и бубнов Юрия и Ярослава; опущены слова людей о Ярославе: «Яко тобою ся нам много зла сотвори, протвое преступление крестное речено бысть...» и исключена следующая далее в С1 библейская цитата; нет унижительных подробностей бегства Юрия (С1, 198—199; М, 113—114).²³ В эпизоде 7 нет упоминания о загнанных Ярославом при бегстве в Переяславль конях, о том, что он «не насытится крови человеческия», когда мстил пленным; нет похвал «милоствому» и «доброму до христиан» племени Ростиславичей и упоминания, что они могли «изгонить» (захватить врасплох) Владимир; в речи Юрия вместо слов Мстиславу и Владимиру: «Вам челом бью! Вам живот дати и хлеба накормити» более сдержанное: «кланяюся»; нет упоминания о его «дарах многих» победителям (С1, 199—200; М, 114).²⁴ В эпизоде 8 при описании челобития Ярослава добавлено, что Константин был его «старейшим братом», но опущено обращение «Господине!» и слова: «А сам, брате, накорми мя хлебом». Вместо упоминания, что Мстислав «поя дщерь свою... и выеха в станы» (С1), — «посла в город по дщерь... И выиде в станы... княгини Ярославля к отцу» (С1, 200—201; М, 114). В эпизоде 9 опущены слова Ярослава Мстиславу: «Чи не бывает вражда князем, но не така. По правде мя крест убил» и заключительные слова повести о том, что Мстислав и его союзники вернулись, «победивши сильних полкы, взявше свою честь и славу» (С1, 201; М, 114).²⁵

Явно прокняжеские черты этой обработки отражают общую тенденцию Московского свода, или, точнее, непосредственного источника его первой (до 1425 г.) части (во второй части он близок к Нкр—ВП) — особой летописной компиляции, сложившейся в 70-х гг. XV в. и отразившейся также, в более сокращенном виде, в Ермолинской летописи. Обратившись к Повести о Липице в Ермолинской, мы действительно обнаруживаем там сильно сокращенный текст (эпизоды 1, 3, 5, 6, 9 сокращены до размера одной фразы) той версии, которая читается в Московском своде. Все тексты С1, пропущенные в М, отсутствуют и здесь; посол Константина Еремей (э. 2) является не к «нашим князьям», а просто «к ним»; в эпизоде 4 Юрий отвечает: «...одолев нам всю землю возми», и тако начаста рядитися к боеви» (М, 112). Единственной своеобразной чертой Ермолинской является упоминание имени владыки, отправившегося в Радилово вместе с Юрием, — «Симон»; имя это могло быть, очевидно, заимствовано из годовых статей 6721 и 6726 г., где в Ермолинской упоминается суздальский владыка Симон.²⁶

²² После призыва Мстислава и упоминания об ударе «сквозе свои пешци» в М нет в отличие от С1 перечисления дружин Мстислава и его союзников, а сказано: «И бысть сеча люта вельми. И пробишася сквозе полкы и до кошей их».

²³ Известие об утопленных помещено в М выше, чем в С1 (в самом начале э.6); среди мест, куда бежали побежденные, упоминается и Суздаль.

²⁴ В обращении Юрия к князьям вместо «Не дайте мне днесь» (С1) — «Потрпите ми ныне».

²⁵ В М нет упоминания возвращения Владимира Рюриковича к Смоленску.

²⁶ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 65—66. Тот же рассказ читается в сходных с Ермолинской в этой части Львовской (ПСРЛ, т. XX. СПб., 1910, с. 148—149) и

Из летописей XV в. влияние Московского свода отражает обычно Типографская летопись, протограф которой был составлен в 80-х гг. в кругах, близких к ростовской архиепископии.²⁷ Однако под 6725 г. здесь помещена не повесть о Липице, а краткое известие: «Бися Костянтин с братом Юрьем и Ярославом у Юрьева на поле, и одоле Костянтин и седе в Владимир, а Юрью да Суздаль», основанное, очевидно, на тексте типа Лаврентьевской, по которому оригинал Типографской был пополнен и в других местах.

Весьма лаконична, но своеобразна статья о сражении 6725 г. и в Сокращенном своде конца XV в.: «Бысть бой князю Юрью Всеволодовичю с князем Косьтянтиномъ с Ростовским на реце Где, и поможе быти князю Константину Всеволодовичю, брату старейшему, и правда его же пришла. А были с нимъ два храбра: Добрыня Золотый пояс да Александр Попович с своимъ слугою с Торопомъ».²⁸ Это известие (читающееся также в Устюжском летописце и в Хронографе, близких к Сокращенному своду)²⁹ можно было бы частично возводить к летописи типа Лаврентьевской — Троицкой (как и в Лавр.—Тр., в Сокращенном своде ничего не сказано о новгородцах и Мстиславе Удалом), однако здесь содержатся и такие подробности, каких нет там: место сражения «на реке Где», т. е. Гзе (Кзе). Согласно Н4—С1, на Гзе были расположены силы Юрия и Ярослава во время битвы 6724 (1216) г.; можно думать поэтому, что речь идет о той же битве на Липице, хотя более поздняя традиция, как мы увидим, различает столкновения на Гзе и на Липице. Имя Александра Поповича фигурирует в летописных рассказах о XIII в. и в другом месте: как участник битвы на Калке он упоминается и в Н4—С1 (гибель Александра Поповича «на Калках» упомянута в Сокращенном своде и Устюжском летописце под 6731 г.). Очевидно, перед нами отражение какой-то особой традиции, не связанной ни с Владимиром, ни с Новгородом, ни даже с главным победителем на Липице Мстиславом Удалым.

Следы этой традиции обнаруживаются в летописи, которая в ее полном составе относится к XVI в., — Тверском сборнике (далее: Тв).³⁰ Повесть 6724 г. о Липице в Тв — третий развернутый рассказ на эту тему; перечислим его основные эпизоды.

1. От слов «Князь же Мстислав Мстиславичъ поиде из Новгорода...» до «Володимер Рюрикович (съ) смолянны» (Тв, 318). Совпадает с Н1, включая отсутствующие в Н4—С1 слова Мстислава «Идите во зажитиа...»; уточнена дата 1 марта — «...на память святых мученица Евдокии... рекше по Зборе».

2. От слов «И идоша по Волзе, воюючи...» до «...возы пометавше» (Тв, 318—319).

Первая часть совпадает с Н1 (э. 2), за исключением начала (переговоры с Ярославом), но включая мотивировку похода на Переяславль («третий друг»); после «поидоша по Волзе воюючи» упомянута посылка к Константину в Ростов (как в Н4—С1, но короче), взятие Владимиром Княтина, приход Иеремея с 500 человек, встреча с ним, оставление «возов» (как в Н4—С1, но нет «наших князей»).

Холмогорской (ПСРЛ, т. XXXIII. Л., 1977, с. 60—61) летописях, по имени Симона в них нет.

²⁷ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, с. 87.

²⁸ ПСРЛ, т. XXVII, с. 234 и 320.

²⁹ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, с. 45; ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 396.

³⁰ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 348—325 (текст Повести, дополненный в некоторых случаях в издании вставками из других летописей, проверен по рукописи — ГПБ, Погод., № 1414, л. 118—120 об.).

3. От слов «Поидоша к Переяславлю...» до «...с новгородцы и новоторжци» (Тв, 319).

Ближе к Н1, чем к Н4—С1; дата прихода на Сарское Городище дополнена: «...на память святого Евтихия, и ту празднова Велик день, апреля 10», о крестоцеловании Константина — «...яко не быть в нем прьвету, а сами к нему целоваша»; переход в Ростов Владимира (как в Н4—С1).

4. От слов «Онем же пошедшим к Переяславлю...» до «...начаша веселитися и пити» (Тв, 319—321).

Эпизод значительно пространнее, чем в Н1, но имеет ряд перестановок и отличий по сравнению с Н4—С1. Содержание: соединение войск Ярослава с войсками Юрия (иначе чем в Н4—С1), восклицание: «Се же дивно, о коль страшно, братие!...»; расположение войск — как в Н1; при изложении переговоров в речь Лариона явно ошибочно попали слова Юрия о Ярославе (Н4, э. 4) — «...а с тобою один есмь человек»; второе обращение к Юрию — как в Н4—С1 (с сокращением); ответ Юрия: «...взьем нас, всю землю взьми». Далее описание расположения войск на горах, помещенное в Н4 ниже; затем пир Юрия: «...бе бо их бес числа, яко бы мнети десять суждалтин на единого новгородца»; ³¹ в речи Творимира вместо пославления Ростиславичей — «...суть храбри от наших смоляние», о Мстиславе дано пояснение «...бе бо Мьстислав легок и храбер»; на речь Творимира Юрий отвечает проническим замечанием (также отсутствующим в других летописях): «Яко по своей воле велит ми ся стола отца своего отступити?», далее в речь Юрия введены частью слова второго боярина из Н4—С1, частью дальнейшие распоряжения об убийстве пленников; речь второго боярина сокращена до одной реплики. Рассказ о пире кончается словами: «И повеле князь прьваго съветовавшаго о миру, яко переветника, изврещи вон, а с тем же последним начаша веселитися и пити».

5. От слов «Князь же Мьстислав нача потвержати полки своа...» до «...на память святого мученика Иануария и дружины его» (Тв, 321—322).

Эпизод имеет ряд перестановок по сравнению с Н4—С1. Вступительное обращение Мстислава к войскам включает реплику, помещенную в Н4 ниже (уже после захвата стягов), — «...ни позрите на товар»; далее — разговор о перемене позиции, помещенный в Н4 в эпизоде 4, причем роли князей изменены: Константин предлагает перейти к Владимиру, а Мстислав опасается удара в тыл; решение сражаться пешими; решение Мстислава остаться на горе (Н4, э. 4); сражение киями и топорами; реплика Мстислава: «Кто сих не жалует?» (в Н4 — «...не дай бог, братии, выдати добрых сих людей»); упоминание о нападении смолян на «товары» (без предыдущего текста Н4), победа «божиа помощию и святыа Софиа» (как в Н1); бегство Ярослава и Юрия — если бы за ними погнались, «угонили бы» (захватили врасплох) Владимир (в Н4 об этом упоминается в э. 7); дата победы — кроме числа и второй недели пасхи указана еще церковная дата: «...на память святого мученика Иануария и дружины его».

6. От слов «О многиа победы, братие!» до «...вышел по своей воле» (Тв, 322—324). Вступительная фраза из Н1 и Н4—С1 дополнена и продолжена: «Кто не въсплachtetся слышав сию горкую победу над своею братиею, вытие прободеных и глас протинаемых, и еще живых сущих и кричащих от болезни? Многое бо множество избытых, яко ни умь чело веческий не может смыслити; не токмо на боищи костры мертвых, но и по многим местом лежаше трупи, овии мертви, а друзии еще дышуще;

³¹ Реплика эта может быть сопоставлена со словами Ярослава в э.2 Н4—С1: «...сту нас достанется один вас».

много же от них и переимани и повязани, плачущеся гръким плачем, видяще своих мертвых не погребенных. Князь же Костантин повеле погребати их и имати телеса, ихже кто хотяше где погребсти. У князя же у Костантина быше в полку два человека храбрых, Олешка Поповичъ и человек его Торопъ и Тимоня Золотой пояс». Далее перечислены потери Юрия — 9233 человека — и Мстислава; убитые новгородцы перечислены поименно;³² бегство Юрия с дополнительным указанием по сравнению с Н4: «...бе бо телом толсть и стяжек»; настроения во Владимире с дополнительными деталями: «...вышли вси володимерци на бой, и до кушца и до пашенного человека, а толико останахся церковнии людие... и слепии и хромии. Бысть же плач неутешим в Володимере и в Суждале, плачуще старии немощей детей своих, а жены мужей своих, а малии отцевъ своих и братий: не бо такого двора, идеже бы кричания и въпля не было, и странно бе видети человеки изъопухша от слез»; Юрий обещает уйти из города.

7. От слов «Ярослав же прибеже к Переяславлю...» до «...яко сего мя доведе» (Тв, 324).

Близко к Н4—С1, но с сокращениями; перечисление победителей — «Константинь, и Мстиславъ и два Володимера»; нет похвал Ростиславичам за отказ от захвата Владимира.³³

8. От слов «Князь Мьстислав с новгородци посадиша Костантина въ Володимери...» до «...и что было с Ярославом в полку, то приидоша вси здоровы в Новгород» (Тв, 324—325).

Близко к Н4—С1, но значительно короче (нет описания ухода Юрия, подробностей прихода Мстислава к Переяславлю).

9. Окончание последней фразы предыдущего эпизода: «...а князь великий Константинь к Володимеру на свой стол, а Володимер к Смоленску, а другый Володимеръ к Киеву».

Не вызывает сомнения принадлежность рассказа в целом литературной традиции второй половины XV—XVI вв. и его вторичность по отношению к рассказам Н1 и Н4—С1. В ряде случаев, сокращая и переставляя имеющийся в его распоряжении материал, составитель рассказа Тв явно нарушал его логическую последовательность (например, упоминания о «товаре» и возможности захвата Владимира в эпизоде 5). Однако наличие у позднего компилятора по крайней мере одного дополнительного источника представляется весьма вероятным. Источник этот отразился в известии (э. 6) о князе Константине Ростовском и его двух «храбрых» — «Олешки Поповича» с человеком Торопом и «Тимони Золотого пояса». Именно об этом, как мы знаем, сообщалось и в кратком рассказе Сокращенного свода (а также Устюжского летописца и Хронографа). Ростовского происхождения и другие своеобразные черты рассказа Тв: при перечислении победителей (э. 7) здесь вопреки основному изложению повести в Н1 и Н4—С1 первым назван Константин, а не Мстислав, в описании выбора позиции (э. 5, ср. Н4, э. 4) нет слов Константина о недостаточной «дерзости» его людей «к бою», — напротив, именно Константин предлагает перемещение войск, а Мстислав проявляет осторожность. К ростовскому рассказу могло восходить и выразительное описание Юрия — «бе бо телом толсть и стяжек» (э. 6).

³² В Н4 (э.6) число 9233 обозначает «всех избитых», а перечисление убитых новгородцев содержится в предыдущем э.5 (как в Н4 и Н1 младшей редакции, «терским данником» в Тв назван «Иванко Попович» — ср.: ГПБ, Погод., 1414, л. 120; F.IV.214, л. 263 об.; см. выше, примеч. 3 и 11).

³³ При описании ухода Юрия и Владимира в Тв, как и в Ермолинской летописи (см. выше, с. 105), названо имя владыки — Симон.

Включение всех этих ростовских дополнений в рассказ Тверского сборника легко объяснимо: с Тверью связана только вторая часть этого сборника начиная с 6793 (1285) г.; весь предшествующий материал (и некоторые известия после 6793 г.) восходят к иному, ростовскому, источнику; под 6527 и 6496 гг. составитель сборника сам назвал себя жителем «от веси Ростовских областей», пишущим в 7042 (1534) г.³⁴ Но это не значит, что приведенные ростовские детали были плодом творчества ростовского летописца XVI в. Уже наличие сходных известий о Константине и его «храбрых» в Сокращенном своде свидетельствует о существовании ростовского рассказа о битве на Липице в предыдущем столетии. Большой фрагмент ростовского рассказа, в котором фигурируют те же персонажи — Александр Попович, его слуга Тороп и Тимоня Золотой пояс, сохранился в Тв под 6732 г. — внутри «Повести о Калацком побоище». После описания прихода «безбожных моавитян» автор переходит к русским князьям и добавляет: «...от них же о едином въспомянем zde, описаниа калезше» (т. е. добыв, получив некое описание). И далее, начиная со слов: «Бе некто от Ростовских житель Александр, глаголемый Поповичь...», автор рассказывает о событиях в Ростовской земле, о передаче Всеволодом своего престола «от Константина сыну своему Юрию», о первых столкновениях Юрия с Константином, в которых на стороне Константина участвовал Александр Попович. Затем рассказывается о битве на Гзе: «Единою выиде на него из Ростова Константин, и бысть им бой за Юрьевым на реце Гзе, и тамо победи Константин, молитвыми Пречистыа, своею правдою и теми же храбрыми Александром со слугою Торопом; ту же бе и Тимоня Золотой пояс. И ту убиша у великого князя храброго Юрату, о сем велми опечалися князь великий Юрий; побеждень же смирися с братом». О битве на Липице со Мстиславом рассказывается после этого — как об особом столкновении: «Потом прииде на Ярослава Переяславского Мъстислав Мъстиславичъ, тесть его, и инии князи, с собою же и Константина подвигаоша, а за Ярослава стал князь великий Юрий за брата; и бысть им бой на Липицах и на Юриеве горе, и ту все полки великого князя Юрия избыти, в них же убиен бысть храбрый и безумный боярин Ратибор, иже похвалися седлы наметати супротивных. Князя же (Юриа) победивше и на столе в Владимире Константина посадиша».³⁵ Перед нами, очевидно, фрагменты того же ростовского рассказа, который отразился в Тв и под 6724 г. в э. 6—7 (а, может быть, и в э. 5); следы ростовского рассказа с участием Александра Поповича и других «храбров» сохранились, как мы уже отметили, и в своде 1448 г. (С1—Н4), но именно в рассказе о Калке 6732 (1224) г., а не в рассказе о Липице. Запись ростовских преданий о Липице и Калке существовала, во всяком случае, уже в XV в. (свод 1448 г., Сокращенные своды). Но ростовский компилятор, составитель Тверского сборника XVI в., и под 6724, и под 6432 г. передавал свой ростовский источник не в чистом виде, а в соединении с тем рассказом, который отразился в своде 1448 г.: под 6432 г. сохранилось здесь упоминание о гибели «боярина Ратибора», который «похвалися седлы наметати супротивных», но этот Ратибор — персонаж явно параллельный и противостоящий столь же легендарному Творимиру из э. 4 Н4—С1, который, призывая к миру, похвалял «мудрость» и «рядность» князей «Ростиславля племени». Очевидно, в Тв ростовский рассказ был соединен с рассказом, восходящим к смоленским Ростиславичам.

³⁴ ПСРЛ, т. XV, стб. 142, 108.

³⁵ Там же, стб. 337.

Из общерусских летописей XVI в. Воскресенская летопись полностью воспроизводит рассказ Московского свода конца XV в.³⁶

В Никоновской летописи (далее: Ник)³⁷ читается довольно пространная компиляция, основанная на Новгородской 4 или, точнее, на Новгородской 5 (Хронографической) летописи.

Зависимость Никоновской от Новгородской 5, уже отмеченная в научной литературе,³⁸ с несомненностью доказывается одним чтением рассказа о Липице. В Н5 в эпизоде 4, как мы уже отмечали, в речи боярина, сторонника войны, вместо «аще же нынешние полци» читается бессмысленное: «нынешние половце»; в Ник этот ляпсус не только повторен, но и распространен: «... аще бы и вся земля Половецкая придеть к сим...» (Ник, 72). Однако рассказ Н5 расширен в Ник за счет множества этикетных формул, дополнительных деталей и содержит ряд заимствований из ростовского рассказа, использованного в Сокращенном своде и Тверском сборнике, также, по-видимому, с рядом распространенных и дополнений. Так, в эпизоде 2 ответ Ярослава новгородцам дополнен словами: «Начасте убо ходити, грядите, ибо и заец на кровь ходить...» (Ник, 69); в ответ Мстислав и новгородцы «реша в себе»: «Что се есть? Мы хотим мира, а он брани; что сие будет?». Мстислав и Владимир в отличие от Н4 не именуются здесь «нашими князьями» (во втором случае слова «наших князей» были заменены на «их» уже в Новгородской Хронографической), в эпизоде 3 украшено описание сцены встречи Мстислава с Константином: «... и видевшися, и обьемше целовашася, и радостию велию возрадовашася...» (Ник, 70).

Особенно значительно дополнен эпизод 4.³⁹ При описании расположения полков здесь указано, что с Константином «бе и два храбра, Добрыня Златый пояс да Александр Поповичъ с своим с слугою Торопом, славныа богатыри»; в речи Мстислава Ярославу говорится: «Мой есть Новгород...; и се новгородци и новотръжци плачуще вопиют на тебя ко господу богу... а до великаго князя Юрья Всеволодича несть нам ничто же». Ярослав отвечает: «... гостей не отдам..., и еще хочу имати и новгородцев всех казнити...», и заявляет, что новгородцы зашли «яко овци ко лвом, яко теленки к медведю, яко свиньи на поле...»; в ответе Мстислава опять фигурируют благочестивые формулы и библейские цитаты. Во время пира в шатре речь в защиту примирения произносит вместо Творимира «стар сый боярин Андрей Станиславич... яко от старости и мало смыслит»; он заявляет, что у Мстислава есть «мужи храбри зело и велици богатыри, яко лвы и яко медведи, не слышат бо на себе ран; старейшаго же вашего брата Константина весте сами, яко его правда есть и ему подобает быти старейшему, еще же и храбрых ныне не веси у него Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго поаса, и Нефедья Дикуну...»; в ответ на эту речь Юрий с братьею «разъярися, и разсверепе, и начя сюду и сюду метатися», но бояре успокаивают князей, ссылаясь на то, что сказавший это боярин «без ума есть... от старости, не весть, что глаголет». «Ин боярин», сторонник войны, перечисляя все русские княжества, неспособные справиться с Суздальской землей, включает сюда «и Полотцкую и Псковскую» и «всю землю Половецкую» и говорит не только: «седлами наместом» (Н4 — «навержем»), но и: «кулаки побьем». Говоря о будущем

³⁶ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1865, с. 120—124.

³⁷ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, с. 67—77.

³⁸ Б. М. Клосс. Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода. — В кн.: Летописи и хроники. Сборник 1972 г. М., 1974, с. 252—270.

³⁹ В начале эпизода, как и в Московском своде, нет осуждения того, что на Липице шел «господин на раба» (ср. выше, примеч. 21).

разделении Русской земли, князья заявляют: «...с Киева возмем дань и князя в нем посадим из своих рук, а с Галича также дань возмем» (в Н4: «Киев дадим Черниговским князем, а Галич нам же»); перед сражением они еще раз предупреждают Мстислава: «Брате Мстиславе! Мнитсся нам, яко забывся пришел еси с невеждами сими дикими мужи новгородци и з безумными сими смолняны; благо бы было тебе не послушати сих». При первой тревоге перед боем «он боярин состаревыйся» вновь укоряет Юрия с братьей и призывает к миру, но «они же, укоривше сослаша его безчестна». Отказываясь от предложения Мстислава о перемене позиций, Юрий добавляет: «Поидите убо чрез болонье и чрез дебрь сию: обычно бо есть свинням по дебрем ходити и карасом в грязех валятися». При обсуждении позиции Константин выражает сомнения в стойкости не ростовцев вообще, а «иных людей» из числа «своих»: «...едини бо суть в родстве, и в племени, и в кумовстве» (Ник, 70—73).

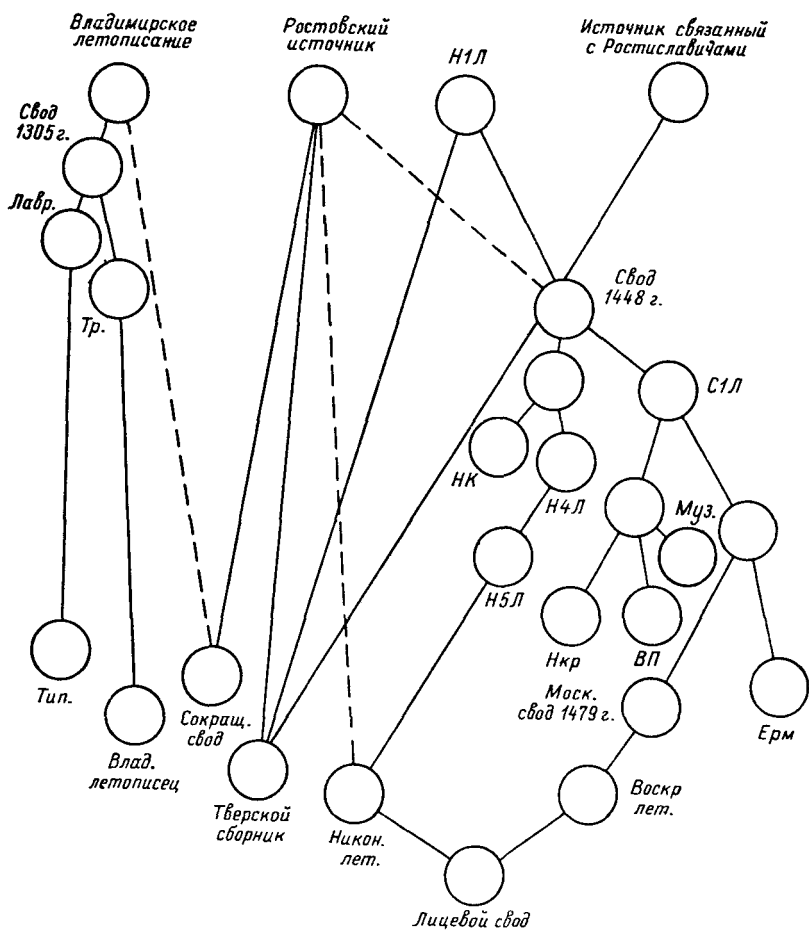
Эпизод 5 начинается в Ник с особого вступления: «И начяша сходитися полци, и бысть сила многа, и бысть страх и ужас на всех, яко един род и едино племя кровь проливают ни за что же...»; далее рассказывается о зловещих природных предзнаменованиях. В сцене боя новгородцы не спешиваются, как в Н4 (э. 5), а решают: «...кои на конех, те на конех, а кои пеши, те пеши». Воскликнув: «Поидем убо и мы в помощь к ним», Мстислав «сецаше нещадно, и загнася смешавшася. И прииде на него Александр Поповичъ, имеа мечь наг, хотя разсеци его: бе бо силен и славен богатырь. Он же возопи глаголя, яко аз есмь князь Мстислав Мстиславич Новгородский... И рече ему Александр Поповичъ: „Княже! ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты, глава, убиен будеши, и что суть иныя, и камо ся им дети?“ И бысть сеця зла и брань велиа, и всюду мертвии лежаху» (Ник, 74).

После этой сцены изложение в Ник становится более сжатым; окончание эпизода 5 с перечислением убитых и эпизод 6 в основном опущены. Эпизоды 7 (бегство Юрия во Владимир) и 8 (бегство Ярослава в Переяславль) существенно сокращены. После этого следуют итоги битвы с сильно измененными именами (к упоминанию Ивана Поповича добавлено: «и слугу его Нестера, велми храбрых и силных») и даны совершенно неожиданные цифры убитых: «новгородцев и смолнян и ростовцев и псковичъ, кроме пещцев, пятьсот и пятьдесят» (в Н4 — пять человек); суздальские потери вместо 9233 (в Н5 — 9203) определены в «седьмнадцать тысяч и двести, кроме пещцев».⁴⁰ В эпизоде 9 покаянная речь Ярослава значительно расширена: «Отдажъ мне вину, и не взимай от меня жены моей, а своей дщери... ибо суетни есмь в суетном сем житии, хто убо есть без греха...». В ответ Мстислав не просто отказывает Ярославу, а оставляет ему надежду: «Услышим и разумеем, аще истинно есть покаяние твое» (Ник, 77).

Сокращенность текста Ник с конца эпизода 5 привела к тому, что составитель Лицевого свода (Лаптевский том), следовавший за Ник до описания подвигов Мстислава и речи Александра Поповича, закончил текст повести по иному источнику — Московскому своду или, вероятнее, по идентичной с ним Воскресенской летописи, опустив только описание раздела Суздальской земли из эпизода 7.

В целом рассказ Ник следует считать памятником литературного творчества XVI в. Ростовские эпизоды, очевидно, могли восходить к тому же летописному источнику, который отразился в Сокращенном

⁴⁰ При описании отъезда Юрия из Владимира, как в Ермолинской и Тверской, названо имя владыки — Симон (в Ник — дважды).

своде и Тверском сборнике, но их дополнительные подробности, отсутствующие в последних, едва ли объясняются более широким привлечением ростовского памятника — скорее здесь обычное для Ник распространение ее источников.⁴¹

⁴¹ Никоновская летопись служила главным источником и для рассказа о Липице в обеих редакциях «Истории» Татищева (В. Н. Татищев. История Российская в семи томах, т. IV. М.—Л., 1964, с. 347—351; т. III, с. 193—199; ср. т. IV, с. 48—49; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, с. 254—255). Из Ник взят советник «муж старый Андрей Stanisлавович», нечаянное столкновение и разговор Александра Поповича (во 2-й редакции — «Александр Попов») с Мстиславом во время боя, огромные цифры погибших. К материалу из Ник добавлена ссылка новгородцев и Андрея Stanisлавовича на «Правду русскую» (во 2-й редакции в речи советника — «Закон русской»), заявление «вельмож» Юрия о праве старика-советника отвечать на сделанные ему «вопрошания», призыв Константина не убивать раненых и пленных князей, назидательная речь Константина Ярославу и др. Во 2-й редакции многие из этих добавлений еще более расширены — в особенности те, которые связаны с Константином; добавлено упоминание, что уехавший с Юрием епископ Симон «наипаче бояся Константина». Уже в 1-й редакции к известию Ник о том, что Мстислав забрал у Ярослава его жену — свою дочь, добавлено отсутствующее в других источниках обвинение Ярослава в супружеской неверности: «Не годя ти, сыну, ины жены держати возле княгини»; во 2-й редакции это обвинение распространено: «Не достоин тебе княжескую дочь женою иметь, понеже ты, забыв к ней в церкви данное при браке обещание, имел ее не яко жену, а яко рабу, и наложницы ею ругаются»; при этом в текст, предшествующий рассказу о Липице, также добавлен упрек Мстислава

Своеобразный итог судьбе Повести о Липице в летописании XVI в. подвела «Степенная книга». Ярослав Всеволодович, игравший почти во всех рассказах о Липице весьма непривлекательную роль, был предком московских князей и царя Ивана IV; ему была посвящена «седьмая степень» книги. Составитель «Степенной книги» не захотел поэтому ограничиться только смягчением резкой характеристики, данной Ярославу в повести, а изложил всю историю событий 1216 г. по-новому, в полном противоречии со своими источниками. Когда Ярослав «державствовал» в Новгороде, «на него же от зависти брань велию воздвиже тесть его великий же князь Мъстислав Мъстиславич... И тогда Константин изгна брата своего Георгия изо Владимира и сам седе во Владимери. Отту же подвижесе и на Ярослава и много кровпролитие сотвориша...».⁴² Даже официальная версия Московского свода конца XV в., переданная Воскресенской, не удовлетворила придворного публициста. Со свойственной «Степенной книге» беззастенчивостью в переделке предшествующего материала она сделала из «не насытившегося крови человеческыа» крестопрестушника Ярослава — «благочерного и богохранимого» князя, а из Мстислава, получившего от бога «храбрость из всех», — завистника и зачинщика кровопролития.

* * *

Из числа летописных версий Повести о битве на Липице 1216 г. наибольшую ценность в качестве исторического источника, несомненно, имеет версия Новгородской 1 летописи. Она возникла в близкое к событию время (первая часть Синодального списка Новгородской 1 даже записана в XIII в.), имеет ряд черт современной летописной записи. Повесть составлена новгородцем и проникнута новгородскими тенденциями, но обнаруживает хорошую осведомленность автора. Краткость и лаконичность суздальского рассказа об этих же событиях (в Лаврентьевской—Троицкой) подтверждает во всяком случае то обстоятельство, что сторонники Юрия и Ярослава не могли противопоставить новгородскому повествованию своей версии и что Мстислав и его союзники имели полное основание торжествовать победу в 1216 г.

Дополнительный источник, использованный в Новгородской 4, Софийской 1 и зависимых от них летописях, также обнаруживает некоторые черты раннего происхождения и хорошей осведомленности. Здесь мы находим множество конкретных географических указаний и точных дат, появляются имена, которых нет в новгородской версии. Вместе с тем ряд спен в Н4—С1 имеет черты литературного творчества. Таковы описание пира и прений в шатре Юрия и Ярослава, эффектные планы раздела всей Русской земли, заранее разработанные этими князьями и записанные в грамотах, столь удачно взятых смольнянами «по победе в станех Ярославских». Отметим, что совершенно аналогичная история со списками договора новгородцев с польским королем Казимиром в 1471 г., обнаруженными затем победителями — москвичами «в кошевых вьюках» у побежденных новгородцев, была рассказана в московских «Словесах избранных», составленных после Шелонской победы,⁴³ — очевидно, это популярный литературный мотив.

Ярославу, отсутствующий в 1-й редакции: «При том Мстислав просил его, чтоб с дочерью его, а своею княгиней, жил по закону честно, как надлежит, а если ему нелюбо, то б не обидя ее для наложниц, отпустил к нему» (т. III, с. 192).

⁴² ПСРЛ, т. XXI, первая половина. СПб., 1908, с. 251.

⁴³ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 11.

Черты литературного творчества более позднего времени (вероятнее всего XV в.), основанного на фольклорном материале, обнаруживает и ростовский источник Сокращенного свода, Тверского сборника и Никонской летописи.

Но значение Повести о Липице отнюдь не исчерпывается ее ценностью как исторического источника по истории XIII в. Повесть эта чрезвычайно интересна как литературный и, особенно, летописный памятник.

Основным источником, через который повесть проникла во все общерусское летописание, был протограф Н4 и С1Л — свод 1448 г. И это не единичный и не случайный факт, относящийся только к истории данной повести. Из свода 1448 г. русское летописание второй половины XV и последующих веков восприняло целый ряд важнейших летописных повестей, либо взятых из местного летописания и значительно переработанных (такими наряду с Повестью о Липице были псковское житие Довмонта, тверские повести об ордынском терроре в первой половине XIV в. и др.), либо специально созданных на основе кратких записей (повести о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша и т. д.). Повесть о Липице еще раз обнаруживает роль свода 1448 г. как нового этапа в русском летописании, отразившего сдвиг в общественной мысли после Куликовской битвы и феодальной войны первой половины XV в.

Дальнейшая судьба Повести о Липице также неразрывно связана с судьбами русского летописания в целом. В сводах 1472 г. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи) и 1479 г. (Московский свод) версия свода 1448 г. подверглась переделке, официально-княжеский и светский характер которой естественно был связан с общими тенденциями этих сводов; версия Московского свода была воспроизведена и первым сводом Ивана IV — Воскресенской летописью.

Исследование Повести о Липице в своде 1448 г. выдвигает и ряд новых вопросов, связанных с этим важнейшим памятником русского летописания. Среди других источников у свода 1448 г. были и какие-то южнорусские или западнорусские; для нас в данном случае особенно интересна группа смоленских известий, отсутствующих в более ранних сводах и помещенная под 6738 (1230) г. — о смерти смоленского князя Мстислава Давыдовича (двоюродного брата Мстислава Удалого), землетрясении, затмении солнца и массовых смертях в Смоленске.⁴⁴ Связаны ли эти известия с рассказом о Липице 6724 г.? Восходит ли Повесть о Липице к неизвестному нам смоленскому своду,⁴⁵ или же ее источником была какая-то повесть о Мстиславе Удалом, сходная с житиями Александра Невского и Довмонта? Не менее важен и другой вопрос: когда и кем было произведено соединение новгородской версии Повести о Липице со вторым источником рассказа Н4—С1? Заслуживает внимания последовательное присоединение к новгородским известиям дополнений, относящихся к смоленским войскам Ростиславичей, — очевидно, составитель контаминированного рассказа специально хотел подчеркнуть роль смольнян; важно в связи с этим и уже отмеченное употребление по отношению к Мстиславу и Владимиру наименования «наши князья» (за-

⁴⁴ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 100, примеч. 99. Следы летописного памятника XIII в., связанного со смоленскими Ростиславичами, Дж. Феннел обнаружил в рассказе С1 (свода 1448 г.) о битве на Калке, где к перечислению русских потерь, взятому из Ипатьевской летописи, добавлены специальные сведения о смоленских «мужах» (J. L. G. Fennell. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems; текст этой неопубликованной статьи любезно сообщен нам автором).

⁴⁵ К сожалеению, составленный в Смоленске в начале XVI в. Летописный сборник Авраамки в интересующей нас части (нач. XIII в.) содержит не смоленский материал, а заимствован из Н4Л (см. выше примеч. 16).

имствованное из источника или принадлежащее самому составителю контаминированного текста). Важнейшей особенностью протографа Н4—С1 было отсутствие в нем той резкой пристрастности, которая характерна для большинства летописей; составитель этого свода не только соединил обширный материал из самых различных русских летописей, но и подошел к этому материалу не с какой-либо местной, а с общерусской точки зрения. Речь легендарного Творимира, призывавшего к примирению князей и уважению к старшему брату, совпадает с целым рядом аналогичных высказываний, читающихся в самых различных частях Н4—С1.⁴⁶ Такая позиция более всего подобала митрополичьему своду — но какому и где составленному? Судя по окончанию общего текста Софийской 1, Новгородской 4 и Новгородской Карамзинской летописей, свод этот был составлен не ранее 1418—1425 гг., вероятнее всего, во время борьбы за московский великокняжеский престол. Эта война началась после смерти в 1430 г. митрополита Фотия; феодальная война в Московском княжестве привела к тому, что следующим митрополитом стал в 1433 г. смоленский епископ Герасим, не поехавший в Москву и руководивший митрополией из Смоленска. Смоленск не был уже к тому времени столицей самостоятельного княжества (в 1404 г. он был присоединен к Литовскому государству), но, как и вся Западная Русь, он входил в состав общерусской митрополии и мог быть поэтому ее временным центром. Митрополит Герасим — фигура загадочная и весьма любопытная: в 1435 г. этот митрополит был казнен (сожжен) литовским князем Свидригайло. Если предполагать, что протограф Н4—С1 был составлен при митрополите Герасиме, то это хорошо объяснило бы характер свода в целом и Повести о Липице в особенности.

Но может быть высказан и ряд доводов против такого предположения. Кратковременное правление Герасима едва ли было благоприятным временем для осуществления столь грандиозной работы, как создание свода — протографа Н4—С1. В основе дошедшей до нас Белорусской 1 (Западнорусской) летописи лежит митрополичий свод 1446 г., составленный, по всей видимости, в Смоленске.⁴⁷ Но свод этот весьма скромнен по своим масштабам и еще не отражает той грандиозной работы, которая была произведена при составлении протографа Н4—С1. Именно поэтому протограф этот можно рассматривать как более поздний этап летописной работы, свод 1448 г.⁴⁸ Выражение «наши князья» могло быть взято сводом 1448 г. из его источника — смоленской летописи или какого-то отдельного памятника, связанного со смоленскими Ростиславичами (потомками которых были князья, правившие в XV в. в Ярославле, и их родичи).

Таким образом, сам по себе анализ Повести о Липице не дает достаточных данных для решения узловых вопросов истории русского летописания. Однако анализ этого любопытнейшего памятника обязательно должен учитываться при исследовании летописания и древнерусской литературы.

⁴⁶ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 101—111.

⁴⁷ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 333.

⁴⁸ Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 115—118.